

В. Ситовскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. С.-Пб. 1907.

Уже одно заглавіе привлекаетъ вниманіе читателя. Книга о жизни и творчествѣ Пушкина, попытка пополнить важный пробѣлъ въ литературѣ, свести воедино, подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, множество накопившихся свѣдѣній о Пушкинѣ—вотъ чего ждешь отъ новой біографической работы о великомъ человѣкѣ. Книги Анненкова и Стоюнина устарѣли, а о Пушкинѣ столько открылось новаго въ послѣдніе

годы, столько интереснаго, что нельзя не позавидовать изслѣдователю, который берется за такую благодарную тему. Есть надъ чѣмъ потрудиться, и есть гдѣ себя показать. Сколько фактическаго матеріала надо изслѣдовать, сколько критическихъ взглядовъ провѣрить!.. Поставивъ себѣ задачу нарисовать жизнь Пушкина и обозрѣть его творчество, г. Сиповскій примѣнилъ къ дѣлу слѣдующій методъ.

„Въ жизни и дѣятельности всякаго человѣка“—говоритъ авторъ— „надо различать элементъ *закономѣрности* и элементъ *случайности*. Изъ совокупности этихъ двухъ силъ слагается дѣятельность отдѣльнаго лица,—этой совокупностью опредѣляется смыслъ всякаго историческаго явленія, выясняется сущность всего историческаго процесса—этого органическаго синтеза „безсознательныхъ“ и „сознательныхъ“ усилій отдѣльныхъ лицъ... Чѣмъ крупнѣе историческій дѣятель, или историческое событіе,—тѣмъ понятнѣе, яснѣе неизбѣжность его явленія. Эта неизбѣжность, необходимость тяготеетъ надъ исторіей,—она заставляетъ ее, время отъ времени, подводить подсчеты всему пережитому. Чѣмъ интенсивнѣе жизнь въ прошломъ, тѣмъ внушительнѣе итоги ея. Французская революція, Петръ Великій, Пушкинъ—все это слѣдствія грандіознаго прошлаго. Въ этомъ смыслѣ проявленіе этихъ итоговъ, ихъ содержаніе и слѣдствія, будутъ проявленіемъ исторической *закономѣрности*. „Личность“ вноситъ случайный характеръ въ это *закономѣрное* теченіе исторіи: не измѣняя міровыхъ законовъ развитія, тяготеющихъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, не будучи въ состояніи убивать или творить жизнь общества, она, эта личность, можетъ задерживать или ускорять вѣчно-поступательное движеніе исторіи, можетъ накладывать свои индивидуальныя черты на современность. Въ этомъ — *случайность* исторической жизни. Чтобы вѣрнѣе и полнѣе оцѣнить дѣятельность великаго человѣка, надо—1) выяснить тѣ историческія условія, которыя неизбѣжно привели къ проявленію его дѣятельности,—2) надо выяснить, насколько полно отвѣтила эта дѣятельность на вопросы, поставленные ей прошлымъ;—надо опредѣлить въ ней новый моментъ въ постепенной эволюціи прошлаго и—3) уяснить, какія задачи поставила эта дѣятельность грядущей эволюціи. Но изученіе наше будетъ одностороннимъ, если мы при этомъ не учтемъ *случайныхъ* вліяній его личности, обстоятельствъ его жизни и эпохи, которыя всегда, въ большей или меньшей степени, врѣзаются въ жизнь каждаго человѣка... Если мало сдѣлано въ нашей литературѣ для выясненія вліянія этой *случайности* на дѣятельность Пушкина, то нельзя не сознаться, что и за-

кономѣрность ея не опредѣлена сколько-нибудь обстоятельно "... И черезъ десять страницъ авторъ заканчиваетъ свое введеніе тѣмъ же leit-motiv'омъ: „Сколько великихъ людей погибло въ исторіи, не имѣя возможности развернуть своего генія—многіе изъ нихъ не дали и десятой доли того, что они могли дать... Эта случайность, часто губившая генія,—жизнь ничтожныхъ людей нерѣдко окружаетъ всѣми благами существованія. Сколько усилій потратила исторія человечества на то, чтобы побѣдить власть *случая* силою *закономѣрности*! Дѣятельность Пушкина — одна изъ такихъ трудныхъ побѣдъ *закономѣрности* надъ случайностью“.

„Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ“, сказалъ Пушкинъ, познакомившись съ „Горемъ отъ ума“. Этотъ мудрый принципъ критической справедливости долженъ быть примѣняемъ ко всякому писателю. Другой вопросъ, — насколько вѣрны самые законы, но для насъ всего важнѣе рѣшить, какъ слѣдовалъ имъ начертавшій ихъ для себя авторъ. Мы, конечно, въ правѣ не вѣрить въ истинность философскихъ положеній г. Сиповскаго, выдвигаемыхъ имъ совершенно а ргіогі и никакими доказательствами не подкрѣпляемыхъ. Что это за „міровые законы развитія“? Почему г. Сиповскій думаетъ, что исторія движется „вѣчно поступательно“? Какъ отличать „закономѣрность“ отъ „случайности“? Въ чемъ видѣть благотѣльную руку направляющаго къ благу мудраго и *закономѣрнаго* промысла, и въ чемъ и какъ именно разглядѣть разрушительное вліяніе проказливаго случая? Что это за „великіе люди, не развернушіе своего генія“, и почему они велики? Развѣ потому, что не развернули генія? Но оставимъ эту мудреную философію, которую „нехитрому уму не выдумать во вѣкъ“, на совѣсти г. Сиповскаго и, такъ и быть, повѣримъ ему въ долгъ, что ключи къ міровымъ тайнамъ въ его рукахъ, и посмотримъ, какъ распоряжается онъ ими по отношенію къ Пушкину, къ которому и обѣщаетъ приложить свое критическое орудіе. „Главная часть моей работы“—говоритъ г. Сиповскій— „и представляетъ собою попытку выяснитъ вліяніе элемента *случайности* на жизнь и творчество великаго поэта; для этого я хотѣлъ намѣтитъ основныя черты его личности, опредѣлитъ смѣну его настроеній, ихъ исторію, ихъ значеніе для творчества... Я хотѣлъ дать очеркъ его жизни и творчества, въ которомъ выяснилась бы, хотя до нѣкоторой степени, исторія его міросозерцанія, исторія его души... Въ своей работѣ я собралъ все то, что высказано было о Пушкинѣ въ послѣднее время и что казалось мнѣ „вѣрнымъ“, использовалъ всѣ новыя ма-

материалы, появившіеся недавно,—использовалъ въ той мѣрѣ, въ какой это было мнѣ необходимо,—и попытался все это привести въ систему, связать въ нѣчто цѣльное *своимъ* пониманіемъ личности Пушкина“.

Хотѣлось бы устами автора медъ пить! Но теорія такъ теоріей и осталась, за предѣлы „введенія“ не вышла и примѣненія на практикѣ не получила. Авторъ либо забылъ о теоріи, когда писалъ свою книгу, либо забылъ о книгѣ, когда писалъ теорію. Во всякомъ случаѣ на нѣсколькихъ сотняхъ страницъ очерка г. Сиповскаго мы не встрѣчаемъ слѣдовъ проведенія этой теоріи, если не считать за попытки оправдать ее отдѣльныя замѣчанія въ родѣ такого: „если бы у него была другая подруга жизни, если бы государь хотя немного понималъ его и болѣе цѣнилъ, цѣпой бы не было“... Но для такихъ немудреныхъ, безобидныхъ сентенцій нужна ли столь тяжелая философская артиллерія? Такимъ образомъ, отбросивъ „философію“, гнета которой не выдержалъ самъ ея изобрѣтатель, мы должны смотрѣть на книгу г. Сиповскаго какъ на простой рассказъ о жизни и творествѣ Пушкина. Нужно отдать справедливость г. Сиповскому: рассказчикъ онъ не изъ важныхъ, изложеніе его далеко не художественное, и онъ отнюдь не самостоятеленъ. Страницы его книги пестрятъ множествомъ цитатъ и, замѣтимъ, не такихъ, которыя заключаютъ въ себѣ простыя фактическія данныя: г. Сиповскій очень часто прибѣгаетъ къ выпискамъ тогда, когда ему нужны обобщающіе взгляды. Но и какъ компиляція книга г. Сиповскаго очень плоха. Есть такой роль читателей, и очень распространенный (учащіеся въ средней школѣ, такъ называемая „широкая“, „интеллигентная“ публика), которому была бы полезна и хорошая компиляція. Въ подобной работѣ слѣдовало бы выдвинуть главные факты жизни Пушкина, охарактеризовать самыя выдающіяся его произведенія и, не мудрствуя лукаво, опредѣлить значеніе великаго поэта въ нашей литературной и общественной жизни. И съ этой самой скромной и нетребовательной точки зрѣнія книга г. Сиповскаго не выдерживаетъ критики.

Авторъ увѣряетъ, что „использовалъ всѣ новые материалы, появившіеся недавно“. Дѣйствительно, г. Сиповскій цитируетъ книгу Н. Котляревскаго о Гоголѣ и статью И. И. Иванова, изъ которой даже приводитъ... письмо Пушкина (стр. 347),—но вѣдь это далеко не всѣ новые материалы: есть вѣдь два тома академическаго изданія сочиненій Пушкина, есть два крупныя новыя изданія П. А. Ефремова и П. О. Морозова; есть много незамѣченныхъ г. Сиповскимъ данныхъ въ „Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ“. Основными

источниками для г. Сиповскаго служили двѣ устарѣвшія работы Анненкова и Венкстерна. Послѣдній является въ глазахъ г. Сиповскаго какимъ-то канонѣмъ, и даже когда г. Сиповскому нужно разсказать, что Пушкину весело жилось въ Кишиневѣ, онъ заставляетъ Венкстерна говорить: „поэтъ съ наслажденіемъ окунулся въ этотъ заманчивый міръ минутныхъ связей и легкихъ увлеченій“... (стр. 174). Г. Сиповскому нужно изобразить настроеніе Пушкина въ одномъ изъ періодовъ его кишиневской жизни (вѣдь авторъ обѣщаль „опредѣлить смѣну его настроеній“), и вотъ тянется на цѣлой страницѣ длинная выписка изъ Анненкова, подробно анализирующаго душевное состояніе поэта (стр. 176). Понятно, что при такой глубокой и послѣдовательно проведенной несамостоятельности, при полномъ неимѣніи своихъ мыслей и даже поверхностномъ и мелкомъ усвоеніи чужихъ, г. Сиповскій не могъ дать никакого „своего пониманія личности Пушкина“. Какъ смотреть на Пушкина г. Сиповскій, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго положенія, достойнаго стать классическимъ: „Пушкинъ весь вышелъ изъ старой французской школы XVIII вѣка“ (стр. 146—147). Гдѣ же вліяніе Державина и *русской* литературы XVIII вѣка? У молодого Пушкина г. Сиповскій усматриваетъ „самый циничный взглядъ на смерть“ (стр. 113). Мотивируется это его бреттерствомъ. То говорится о „свободѣ лицейской жизни“, въ которой „веселый, прихотливый нравъ находилъ себѣ полное удовлетвореніе“ (стр. 53), то объ „этикѣ заведенія, съ печатными правилами“, которой не удалось „связать“ натуру поэта (стр. 107). Въ избраніи поэта въ члены общества любителей россійской словесности, гдѣ было немало невыдающихся и незамѣчательныхъ людей, г. Сиповскій видитъ указаніе, „насколько быстро росла популярность Пушкина“ (стр. 149). Между тѣмъ гораздо раньше (стр. 124) г. Сиповскій привелъ слова брата поэта и И. И. Пущина: „извѣстность Пушкина, и литературная, и личная, съ каждымъ днемъ возрастала“, „не было живого человѣка, который бы не зналъ его стиховъ“. Не свидѣлствуютъ о пониманіи и замѣчанія,—напримѣръ, что въ Михайловскомъ Пушкинъ (стр. 256) „разобрался въ текущей и прошлой литературѣ“ и „понялъ себя и какъ человѣка“ (неужели г. Сиповскому не извѣстно, какъ колебался Пушкинъ всю жизнь въ своихъ литературныхъ и историческихъ взглядахъ, какъ часто мѣнялъ онъ воззрѣнія на самого себя!), или, что „Пиръ во время чумы“ „писался въ разгаръ холерной эпидеміи, и на этомъ произведеніи, быть можетъ, отразились яркія впечатлѣнія и мысли, пережитыя поэтомъ въ

это время“ (стр. 343). Больше ничего о „Пирѣ во время чумы“ г. Сиповскій не сказалъ; не говоря уже о томъ, что у Пушкина нѣтъ и не можетъ быть ни одного произведенія, на которомъ бы не отразились впечатлѣнія и мысли поэта, не странно ли, что биографъ, который пишетъ о творествѣ мірового генія, не могъ взглянуть на его великое произведеніе (вспоминается полный восторга отзывъ Бѣлинскаго объ этой вещи) иначе, какъ со стороны холерной эпидеміи? О „Повѣстяхъ Бѣлкина“ сообщено, что онѣ „были написаны въ Болдинѣ“ (стр. 319), только! О „Египетскихъ ночахъ“ сказано (стр. 413—414), что это „интересное прозаическое произведеніе 1835 года“; при этомъ обстоятельно указано, въ какомъ томѣ изданія литературнаго фонда и на какой страницѣ можно найти это „интересное произведеніе“. О Пушкинѣ какъ журналистѣ—авторѣ статей въ „Литературной Газетѣ“ и „Современникѣ“ не сказано ни слова. Объ историческихъ взглядахъ Пушкина г. Сиповскій и не заикнулся; впрочемъ, упоминая какъ-то объ „Исторіи Пугачевского бунта“, г. Сиповскій замѣтилъ (стр. 374): „своимъ интересомъ къ Братьямъ-Разбойникамъ, къ Стенькѣ Разину, Пугачеву, разбойнику Дубровскому Пушкинъ отдалъ дань романтизму, который любилъ воплощать протестующихъ героевъ въ образы «разбойниковъ»“. Это курьезное замѣчаніе, въ которомъ свалены въ кучу самые разнородные элементы, отлично характеризуетъ хаосъ, царящій въ представленіяхъ г. Сиповскаго о творествѣ Пушкина. Отношенія Пушкина къ тайному обществу, изъ котораго вышли декабристы, нисколько не выяснены; причина высылки поэта изъ Одессы совсѣмъ не изслѣдована г. Сиповскимъ, который игнорируетъ такой важный въ этомъ отношеніи источникъ, какъ „Записки“ Ф. Ф. Вигеля. О вліяніи на Пушкина „Демона“—Раевского г. Сиповскій вовсе не упоминаетъ. „Евгенію Онѣгину“ отведены полторы страницы, наполненные банальными мыслями, что это „первый художественный реалистическій романъ“, что въ немъ отразились „всѣ настроенія, мечты, мысли, міросозерцаніе“, что тонъ романа—„элегія, одна элегія“... Критическій произволъ г. Сиповскаго безграниченъ: въ негодующихъ эпиграммахъ на Фотія и Аракчеева онъ усматриваетъ „шалости пера“ (стр. 118), а „Вольность“ и „Деревню“ называетъ „серьезными“ (въ ироническихъ ковычкахъ!) и видитъ въ нихъ „результатъ чьихъ-то рѣчей, случайнымъ слушателемъ которыхъ удалось быть Пушкину“ (стр. 119). Но почему Пушкинъ былъ такое ничтожество, г. Сиповскій не показываетъ.

Съ пушкинской литературой г. Сиповскій знакомъ вообще очень слабо. Онъ пишетъ о дѣтствѣ Пушкина, не упоминая извѣстныхъ воспоминаній Макарова; пишетъ о его пребываніи въ Михайловскомъ, не пользуясь статьями М. И. Семевского („Петербург. Вѣдом.“ 1866 г.). Выписавъ изъ Пушкина стихи генералу Орлову, который не совѣтовалъ Пушкину идти въ военную службу, стихи, въ которыхъ поэтъ говорить, что откладываетъ свое намѣреніе до ближайшей войны („когда жъ возстанетъ съ одра покоя богъ мечей, Орловъ, я стану подъ знамена твоихъ воинственныхъ дружинъ“), г. Сиповскій съ удивительной тонкостью рѣшилъ (дѣло было слишкомъ за шесть лѣтъ до декабрьскаго мятежа): „очевидно, призракъ «14-го декабря» носился уже передъ нимъ“ (стр. 121). Случился этотъ казусъ потому, что г. Сиповскій отнесъ стихи къ „пріятелю и единомышленнику декабристовъ“ Михаилу Орлову, не зная, что они обращены къ его брату Алексѣю, политическая фізіономія котораго была совсѣмъ другая. Говоря объ отношеніяхъ Пушкина къ Карамзину, г. Сиповскій строитъ одинъ свой выводъ на эпиграммѣ, приписываемой Пушкину, считая ее несомнѣнно пушкинской и выбирая изъ нѣсколькихъ наименѣе достойную. Рѣчь Лелевеля съ извѣстнымъ упоминаніемъ о Пушкинѣ г. Сиповскій (стр. 357) перенесъ изъ 1834 г. въ 1831 (этой ошибки онъ не сдѣлалъ бы, если бы заглянулъ въ дневникъ Пушкина) и похвалю Лелевеля объяснилъ происхожденіе „Бородинской Годовщины“ и „Клеветникамъ Россіи“, написанныхъ по поводу польскаго возстанія и взятія Варшавы. Обращеніе въ „Городкѣ“ къ „князю наперснику музъ“ г. Сиповскій (стр. 69) отнесъ къ князю П. А. Вяземскому, между тѣмъ какъ рѣчь идетъ о поэтѣ-сатирикѣ князѣ Д. П. Горчаковѣ, о чемъ говорится на той самой страницѣ изданія литературнаго фонда, на которую авторъ ссылается. В. И. Туманскаго, молодого романтика, даровитаго поэта пушкинской плеяды, г. Сиповскій (стр. 194) называетъ „писателемъ стараго закала“ и увѣряетъ, что Пушкинъ его „чуждался“. Между тѣмъ Пушкинъ любилъ Туманскаго, переписывался съ нимъ, въ Одессѣ былъ съ нимъ очень близокъ и въ „Онѣгинѣ“ упомянулъ „нашего друга Туманскаго“ и его „очаровательное перо“ — честь, которую Пушкинъ оказалъ Катенину, Дельвигу, Баратынскому. Незнаніе пушкинской литературы позволяетъ г. Сиповскому повторять доказательно опровергнутый слухъ (стр. 379—380) о пропущенномъ монологѣ Евгенія передъ памятникомъ Петру Великому. Нужно не только не знать Пушкина, но ни на волосъ его не понимать, чтобы вѣрить пошлomu вздору, что Пуш-

кинъ въ Сальери вывелъ Баратынскаго, которому противопоставилъ себя подъ именемъ Моцарта (стр. 343). Могъ ли Пушкинъ разумѣть подъ Моцартомъ себя, когда влагалъ въ уста Сальери слова: „Ты, Моцартъ, богъ и самъ того не знаешь“! Гдѣ же непосредственность генія, когда онъ самъ говорить о своемъ простодушіи? Пушкинъ зналъ себѣ цѣну, но никогда не возводилъ себя въ боги и вообще былъ далекъ отъ самохвальства. Это еще далеко не всѣ ошибки и промахи г. Сиповскаго; ихъ наберется во много разъ больше, чѣмъ указано здѣсь. Очевидно, авторъ не критиковалъ матеріала, пользовался всѣмъ, что попадало подъ руку, рассчитывая, что „какой-нибудь вкусъ выйдетъ“. И вышелъ вкусъ очень скверный.

Ни жизни, ни творчества Пушкина не ищите въ книгѣ г. Сиповскаго. Съ рѣдкой неуклонностью, съ своего рода умѣніемъ, если хотите, дарованіемъ, г. Сиповскій не замѣтилъ въ Пушкинѣ главнаго, существеннаго. Человѣка-Пушкина г. Сиповскій не знаетъ и подавно не можетъ оцѣнить Пушкина-генія. Пушкинъ оторванъ отъ страны, отъ эпохи, отъ общества, которыхъ не видно у г. Сиповскаго. Пушкинъ обезображенъ и обезкровленъ. Устаешь читать этотъ громоздкій наборъ неумѣло повторенныхъ чужихъ словъ, устарѣвшихъ банальностей, мелкихъ и ненужныхъ подробностей; съ сожалѣніемъ слѣдишь за авторомъ, который сбивается съ пути на каждомъ шагу, на четвертой страницѣ не знаетъ, о чемъ будетъ говорить на пятой, безсильно хватается за беспорядочно набранныя отовсюду выписки и такъ и не можетъ изъ хаотическихъ частицъ создать художественное цѣлое. Автору не удалась даже фактическая сторона біографіи, во многихъ частяхъ давно уже разработанная другими, а что касается до критической и исторической сторонъ, то тутъ онъ совсѣмъ запутался. Пересказъ своими словами стихотвореній Пушкина—еще не критика; сотни ссылокъ на страницы морозовскаго изданія сочиненій Пушкина (на 84 стр. ихъ пятнадцать; на 85—семнадцать; говоря о „Запискѣ о народномъ воспитаніи“, авторъ шесть разъ на одной страницѣ указываетъ, гдѣ именно въ цитируемомъ имъ изданіи она помѣщена)—еще не ученость. А началъ свою книгу г. Сиповскій не безъ важности, снисходительно пожалѣлъ, что „надъ нашимъ пониманіемъ Пушкина до сихъ поръ тяготѣютъ идеи Бѣлинскаго и Достоевскаго“, и обѣщалъ замѣнить эти идеи „своимъ“ (курсивъ!) пониманіемъ,—но, подойдя къ Пушкину безъ необходимыхъ знаній литературы и исторіи, безъ опредѣленныхъ воззрѣній, безъ достаточнаго запаса специальныхъ свѣдѣній и, главное, безъ любви

къ предмету, „напрягся, изнемогъ“. Между тѣмъ самое имя Пушкина, центральной фигуры нашей литературы, которую самъ же г. Сиповскій сравниваетъ по грандіозности ея, какъ историческаго явленія, и съ Петромъ Великимъ, и съ французской революціей, обязывало его иначе отнестись къ дѣлу. Въ пушкинской литературѣ книга г. Сиповскаго будетъ упоминаться развѣ какъ библиографическій номеръ.

Н. Лернеръ.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ V. С.-Пб. 1907.

Состоящая при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ комиссія для изданія сочиненій Пушкина выпустила пятую книжку своего журнала, посвященнаго спеціально Пушкину и въ связи съ нимъ литературной исторіи его эпохи. Въ книжкѣ есть кое-что интересное и даже новое. А. П. Кадлубовскій, взявшій весьма благодарную тему—„Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Пушкина“, которое несомнѣнно и давно признано, увидѣлъ слѣды этого вліянія въ „Онѣгинѣ“, думается намъ, безъ достаточнаго основанія. По мнѣнію г. Кадлубовскаго, на образъ Татьяны повліяла фигура героини комедіи Вольтера „Le droit du seigneur“. Изъ содержанія вольтеровой пьесы, которое пересказываетъ г. Кадлубовскій, видно, что ни по духу, ни по фабулѣ „Онѣгинъ“ ничего не имѣетъ съ нею общаго; что же касается до главныхъ героинь обоихъ произведеній, Татьяны и вольтеровской Acanthe, то сходство между ними самое отдаленное, вполне исчерпывающееся наивностью, робостью, мечтательностью, идеалистическимъ настроеніемъ и тому подобными чертами, общими многимъ литературнымъ образамъ молодыхъ дѣвушекъ. Впрочемъ, мы не рѣшимся категорически отвергнуть предположеніе г. Кадлубовскаго, за которымъ нельзя не признать нѣкоторую долю вѣроятности, если допустить что данная комедія Вольтера была знакома Пушкину.—Статья Н. Пиксанова о несостоявшейся газетѣ Пушкина „Дневникъ“ посвящена исторіи неудачной попытки Пушкина (въ 1831—1832 гг.) начать изданіе политической газеты. Г. Пиксановъ не только сдѣлалъ полную сводку всего относящагося къ этому эпизоду матеріала, но сообщилъ цѣлый рядъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ найденныхъ въ архивѣ знаменитаго Оадея Булгарина

писемъ его достойнаго соратника Греча. Съ Гречемъ, какъ опытнымъ журналистомъ-техникомъ, Пушкинъ хотѣлъ сойтись и вмѣстѣ съ нимъ издавать газету, хотя зналъ настоящую цѣну этой личности, а тотъ дурачилъ Пушкина и писалъ своему другу Ѡаддею: „Журнала Пушкина я не боюсь нимало... но на дураковъ надѣйся, а самъ не плошай“. На стр. 74 В. Д. Комовскій невѣрно названъ лицейскимъ товарищемъ поэта: это его братъ. Д. Ѡ. Кобеко далъ комментарий къ стихамъ Пушкина на лицейскую годовщину 1831 г. („Шесть упраздненныхъ мѣстъ“). Прослѣживая вліяніе Пушкина на А. И. Полежаева, Е. А. Бобровъ („Полежаевъ объ А. С. Пушкинѣ“) напрасно признаетъ извѣстную „Вишню“, лишь приписываемую Пушкину, стихами великаго поэта; несправедливо утвержденіе, что Пушкинъ „съ любовью культивировалъ въ своей поэзіи національное сквернословіе“: для этого у Пушкина такихъ мѣстъ очень немного; бранная эпиграмма „Холопъ вѣнчаннаго солдата“... написана не на Аракчеева, а на А. С. Стурдзу. Интересны и мелкія замѣтки гг. Каллаша и Чернышева; послѣдній вполне правильно отвергъ поправку г. Брюсова, предложившаго печатать (пѣса „Блаженство“, 1814 г.) вмѣсто:

(Богъ лѣсовъ)

Слушала пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.

какъ печаталъ самъ Пушкинъ:—

Слушала, пѣсенки ночной
Въ ладъ качая головой.

Сочетаніе: „слушать чего“ вполне законно; можемъ, въ дополненіе къ ссылкамъ г. Чернышева на Державина и Жуковского, указать, что въ старой русской письменности встрѣчаются аналогичныя выраженія: „воевода спрашивалъ вдовы Марьи“, или: „предписано тебѣ допрашивать княгини Вѣры“..., гдѣ родительный падежъ замѣняетъ винительный. Б. Л. Модзалевскій напечаталъ, со своими примѣчаніями, отрывки изъ воспоминаній А. П. Кернъ о Пушкинѣ и Дельвигѣ и три незначительныя французскія записочки Пушкина къ Кернъ. Отрывки иллюстрированы двумя портретами Кернъ; одинъ изъ нихъ, силуэтъ, изображаетъ ее въ 1825 г.,—когда Пушкинъ сравнилъ ее съ „гениемъ чистой красоты“... Передаваемые Кернъ литературныя сужденія Пушкина очень интересны и стоятъ довѣрія; они вполне совпадаютъ съ его критическими взглядами.

Н. Лернеръ.